

Стараясь изо всех сил изобразить нервозность, я поспешно встал с дивана и подошел к потрескивающему очагу.

— Пожалуйста, смотрите, — сказал я.

Я достал из кармана один лист пергамента и показал его Ракуну при свете очага. Когда я поднес его ближе к пламени, на его поверхности начал проступать узор из черных линий. Я покрыл его легковоспламеняющимся веществом, которое должно было сгореть прежде, чем пергамент успеет загореться, - иными словами, это была форма невидимых чернил. Образовался узор, выявивший места нанесения вещества. Постепенно на чистом листе появился обугленный оттиск замысловатого герба семьи Хо.

— Видите? — спросил я, показывая его Ракуну. Когда он не ответил, я сказал: — Может, недостаточно темно".

Чтобы продемонстрировать это, я наклонил пергамент еще дальше к очагу. Но я подошел слишком близко.

— Ой!

Жар пламени заставил меня инстинктивно отдернуть руку. Пергамент упал в очаг и сгорел.

— Ах... Простите, простите...

Я извинился, поклонившись, как слуга, которого отчитывают за неуклюжесть.

— Все в порядке. Расскажите мне, что это было.

— Ну... — начал я. Я достал из кармана еще один лист - клочок пергамента, похожий на то, что мальчик на побегушках мог бы использовать для записей. Я начал читать его, пока говорил. — Думаю, завещание дяди Гока было написано на таком же листе, как тот, что я вам только что показал.

— Покажи мне, что там написано.

— О. Да, сэр.

Я поспешил к Ракуну, который стоял у дивана, и передал ему свои записи. В записках было написано следующее: "возьми пергамент ведьмы", "мои договоренности не изменятся", "найди завещание Салуна" и "держи сложенную часть справа вверху".

Ракуну нахмурился, пытаюсь понять смысл сказанного.

— И зачем Рук рассказал мне все это?"

— Мой отец не хочет быть главным! Он не подходит для этой работы. Я такой же фермер, как и он... Приказы Сацуки вредны для нас обоих.

— Ха! И он послал своего сына сказать мне об этом?

К счастью, мои слова совпали с мнением Ракуну.

— Да... И он заставил меня прийти одного.

Я вел себя так, словно злился на Рука.

— И?

— У меня есть еще один лист, который мы украли у С-Сацуки, когда она нам его показывала. Я отдам его тебе, если...

Я украдкой поглядывал на скомканные записки в руке Ракуну, пока говорил. Ракуну понял, куда я смотрю, разгладил скомканные записки и прочитал их снова.

— Если я соглашусь, что условия жизни Рука не изменятся?

— Д-да.

— Понятно. Даю слово.

Успех. Я заставил его пообещать.

— Ну... Вот оно.

Словно ребенок, спешащий выполнить поручение родителей, я замолчала, поспешно вложив ему в руку еще один лист пергамента.

— Хм, сложенная часть... — пробормотал я.

— Держать сложенный угол лицевой стороной вверх. Вот так?

Ракуну ударил пальцем по поверхности пергамента.

— Да. Вы должны писать на нем этой стороной к себе.

Правый верхний угол пергамента был загнут, чтобы никто случайно не написал на поверхности, которая уже была покрыта невидимыми чернилами.

— Теперь я могу быть свободен?

— Иди. И передай привет Руку.

Я не скажу ему ни слова.

— Я могу уйти сам. Спасибо.

Я низко склонил голову перед Ракуну и поспешил покинуть комнату.

Ух ты, как это было утомительно. Я чувствовал себя более уставшим, чем за последние двадцать лет.

Я кивнул стражникам на выходе и направился обратно в свою комнату. Я планировал сразу лечь спать, но когда я пришел туда, меня встретил Рук, сидящий на стуле и сурово смотрящий на меня.

— О, папа, ты проснулся.

— Думаешь, я могу спать, не зная, где мой сын?

Думаю, нет.

— Где ты был?

— Я просто проверял библиотеку...

— Не ври мне.

О-о. Меня поймали.

— Ты забыл, что я вырос в этом доме? Я знаю каждый его дюйм и везде заглядывал.

Рук не был слишком зол на меня, так что он, вероятно, не догадался, что я была с Ракуну.

Я недолго думая соврал, сказав, что играл с Шам, но остановил себя.

— Прости. У меня были дела. Я готовился к завтрашнему дню...

— Разве я не говорил тебе, что буду защищать эту семью? Неужели ты так мало веришь в меня?

— Все не так...

Я считал Рука прекрасным отцом, и он всегда вызывал у меня уважение, но нельзя было отрицать, что он не создан для этой ситуации. У Рука не было таланта к политике, и он был паршивым актером. У каждого человека есть свои сильные и слабые стороны, и сейчас он был как рыба в воде.

— Я просто подумал, что попытаюсь помочь...

Правда заключалась в том, что я не верил в Рука в этой ситуации. Именно по этой причине я действовал в одиночку.

— Ты всего лишь ребенок. Ты не должен ничего делать. Знаешь, как я волновался?

— Мне жаль.

Он должен был волноваться. Представьте себе, что ваш сын исчезает в такой момент.

— Я знаю, какой ты способный, Юри. Возможно, ты нашел способ помочь. Но для нас с мамой твоя жизнь стоит больше, чем наша собственная и уж точно больше, чем любое ранчо. Постарайся это понять.

Трудно спорить, когда он так говорит.

— Да, папа.

— А теперь перестань делать опасные вещи. Ты обещаешь мне?

— Обещаю.

Смогу ли я сдержать это обещание? Я не уверен.

— А теперь ложись спать. У нас впереди насыщенный день.

— Да, папа.

Я слегка склонил голову, а затем быстро переоделся в ночную одежду и прыгнул в кровать.

Все это время я прятала кончики пальцев, чтобы он не видел волдырей, которые я получила, обжигая их на очаге. Мы не могли их стерилизовать, а я не хотела прибегать к грубому медицинскому лечению. Лучше было оставить их. Я думал, что жгучая боль будет мучить меня, но на удивление мне захотелось спать.

Возможно, это было напряженное время и для меня.

*****

Совет возобновился после небольшой задержки на следующий день, и Сацуки начала заседание.

— Все, независимо от того, что произойдет, сегодня мы выберем следующего главу семьи Хо путем голосования. Не забывайте о своей рыцарской чести, когда будете голосовать.

Похоже, сегодня все закончится, к лучшему или худшему.

— Полагаю, мы с Ракуну исчерпали наши вчерашние аргументы.

В общем-то, да. Вы двое вцепились друг другу в глотки и ходили по кругу три часа.

— Сегодня мы начнем с проверки подлинности каждого завещания. Существует средство для определения подлинности".

Многие лорды в зале выглядели ошеломленными заявлением Сацуки. На их лицах читалось: Если есть такой способ, то зачем было устраивать вчера спор по этому поводу?

— На протяжении многих поколений семья Хо принимала меры, чтобы подготовиться к ситуации, когда нам предъявят поддельное завещание. Я должен извиниться за то, что до сих пор держал это в секрете. В завещании, написанном главой семьи Хо, если поднести его к огню, можно увидеть фамильный герб, — продолжила Сацуки.

Ракуну не пытался заставить ее замолчать.

— Салун Хо - отец Гока и мой свекор - был главой семьи до Гока, и он оставил нам это завещание. Многие из тех, кто присутствовал на совете, выбравшем моего мужа своим преемником, также находятся здесь сегодня. Я не ознакомилась с завещанием мужа вчера, потому что не знала, где найти это старое завещание в наших архивах.

Если подумать, то смогут ли невидимые чернила сработать после десятилетнего хранения? Интересно. Есть вероятность, что микробы разрушат их до такой степени, что они станут неэффективными.

— Если бы я рассказала об этом вчера, Ракуну отверг бы существование такой техники вместе с другими подобными возражениями. Но теперь, когда это завещание перед нами, он не сможет его отрицать.

— Давай, покажи нам, — уверенно сказал Ракуну. В конце концов, я раскрыл ему весь заговор

накануне вечером.

— Действительно, мы можем начать проверку прямо сейчас. Это не займет много времени.

Центр стола, за которым сидели лорды, находился ближе всего к очагу. Было расчищено место, чтобы три листа пергамента можно было положить на кусок ткани лицевой стороной вниз. Затем сверху и снизу трех завещаний положили длинные полуцилиндрические деревянные палочки, чтобы листы лежали между ними. Завещание, оставленное Салуном, было сделано из очень старого пергамента, который заметно начал обесцвечиваться.

— Итак, начнем. Ракуну, ты можешь подтвердить, что это именно то завещание, которое ты принес нам?

— Я уверен в этом. Теперь приступайте.

Ракуну был полон уверенности - у него не было ни малейших сомнений в том, что он окажется прав.

Хотя бы попытайся сделать вид, что не знаешь о невидимых чернилах, - хотелось сказать ему. Даже если бы Гок дал ему настоящее завещание, он все равно должен был немного удивиться, узнав об этом трюке. Вероятно, ему просто не хотелось проигрывать спор, и он не мог даже притвориться удивленным, потому что не хотел доставить Сацуки удовольствие.

— В интересах справедливости я бы хотел, чтобы испытание провел наш шеф-повар. Он привык обращаться с горячими предметами, поэтому идеально подходит на эту роль, — продолжила Сацуки.

— Я мало что понимаю, но я к вашим услугам, — повинулся смущенный и угрюмый шеф-повар.

По его поведению было понятно, что он думает: я здесь, чтобы готовить вашу еду. Почему вы вдруг вызвали меня, чтобы разобраться с этим? Не понимаю, какое это имеет отношение к моему делу. Как единственный человек в фартуке, он выглядел здесь неуместно. На обеих руках у него были толстые рукавицы - такие же, какие он использовал в своей работе.

Сацуки была права, когда говорила, что он идеально подходит для этой задачи.

— Я должен взять прут и провести им по этим кускам дерева так, чтобы он оказался прямо над пергаментом? Как будто я пытаюсь их поджарить? — спросил шеф-повар.

— Именно так. Пожалуйста, продолжайте.

— Очень хорошо.

Рукой в варежке повар взял железный прут, лежащий в горящем очаге, а тряпкой, которую держал в другой руке, очистил прут от сажи. Хотя огонь разгорался, дрова не давали достаточно тепла, чтобы раскалить прут докрасна.

Он положил стержень так, чтобы он образовал мост через два полуцилиндрических куска дерева, и медленно провел им от одного конца к другому.

— О?! — вздохнул Ракуну. Я внимательно наблюдал за лицом Ракуну - впервые его глаза были расширены от удивления.

— Ха... — Рук, который не знал о плане, тоже издал небольшой звук в тревоге.

— Что это значит? — пробормотал один из лордов, а остальные зашептались между собой.

По воле Салуна ничего не происходило. Когда влага покинула поверхность огнеупорного пергамента, он лишь слегка свернулся, как кусок кальмара. Следующей была воля Сацуки, которая также не изменилась. Ее задняя поверхность оставалась пустой, пока раскаленный стержень двигался по воле Ракуну.

Реакция Ракуну более или менее подтверждала, что план удался, но я все равно нервничал как мог.

Как только жезл приблизился к воле Ракуну, на поверхности начал проступать черный узор. Первым появился внешний край круглого герба семьи Хо. Центр герба, однако, остался пустым, кроме слова "фальшивка".

— Этого не может быть! — воскликнул Ракуну, запыхавшись, как преступник, пойманный с поличным.

После того как я уехал накануне вечером, он отправил обычного человека к фальшивомонетчику, чтобы тот изготовил идентичное поддельное завещание, используя пергамент, который я ему дал. А сегодня Сацуки наблюдала за комнатой Ракуну перед началом совета. Именно там она заметила, как кто-то приземлился на кингуру и вошел в его комнату. В спешке он вырыл себе могилу.

Когда все было готово, все должно было пойти в нашу пользу. Суть спора заключалась в подлинности завещаний. Теперь этот вопрос был прояснен, и никто не захочет, чтобы главой семьи стал человек, виновный в изготовлении подделки.

— Похоже, мы обнаружили твою подделку, — проворчала Сацуки. Мрачное выражение ее лица сменилось выражением триумфа, теперь она была уверена в победе.

— Ты обманул меня... маленькая дрянь, — прорычал Ракуну, злобно глядя на меня.

— Да, пожалуй, — ответил я.

Я действительно был виновен в том, что отдал ему кусок пергамента.

Лучше воспользоваться случаем и объяснить, что происходит.

Ракуну, Сацуки и я понимали ситуацию, но все остальные были в неведении. Сацуки солгала нам? У нее была веская причина? Или нас обманули? Эти вопросы, несомненно, занимали их умы.

— Вчера вечером я солгал, сказав, что мы с отцом планировали предать Сацуки. Было неясно, настоящее у тебя завещание или поддельное, поэтому мы обманули тебя, заставив создать еще одно, используя поддельный пергамент, который я заранее подготовил.

Вместо того чтобы присутствовать на заседании совета накануне, я приготовил смесь невидимых чернил на кухне. Повар, который сейчас находился здесь, помог мне в этом.

Невидимые чернила обычно наносятся кисточкой, но они также способны создавать детальные линии. Я позаимствовал у Сацуки печать с гербом семьи Хо - самую большую из тех, что у них были, - и нанес чернила только на ее края, а затем прижал к пергаменту. Затем кистью написал в центре надпись "фальшивка". И наконец, я нанес раствор на всю печать и

использовал ее на другом куске пергамента - том, который я сжег в очаге перед Ракуну.

— Грр... Нгххх... — проворчал Ракуну, его лицо стало пунцовым от ярости.

Даже ему не удалось выпутаться из этой ситуации. Судя по тому, как он покраснел, глядя на меня, я догадался, что он слишком подавлен эмоциями, чтобы быть способным к рациональному мышлению.

— Разве тебе нечего сказать? Для начала ты мог бы извиниться перед моим дядей Гоком, — поддразнил я его. Обычно я так себя не вел, но решил, что будет лучше, если я хоть немного буду вести себя как настоящий ребенок.

— Нет! Это не подделка! Они заменили его на другой!

— Нет, ты сам принес его нам. Больше никто к нему не прикасался, все здесь это видели.

— Кто-то вломился в мою комнату прошлой ночью и украл его! Должно быть, его изменили до того, как я получил его обратно!

Он точно умеет думать на ходу.

— Если ты знал, что кто-то украл ее, то почему не сказал об этом перед тестом? Тогда тебе нечего было сказать об этой предполагаемой краже. На самом деле, когда Сацуки спросила тебя, ты был уверен, что это завещание, которое ты принес нам. Честно говоря, это похоже на то, что ты просто выдумал.

Он упоминал только то, что работало в его пользу, а все остальное старался не замечать. Здесь это не прокатит.

— Гр... Маленький говнюк!— Ракуну скрежетнул зубами.

— Этот "маленький говнюк" только что заставил тебя танцевать под его дудку. Страшно подумать, что станет с семьей Хо, если следующего главу так легко обмануть, — проворчал я.

Нет причин не раззадорить его немного. Он выглядит плохо, потому что я всего лишь ребенок.

— Ты пожалеешь об этом. Я не забуду тебя, презренное отродье!

Теперь он по-настоящему зол. Если бы взгляды могли убивать, я бы сейчас был на шесть футов ниже. Я чувствую себя немного виноватым, но меня нельзя винить за его характер.

Он бежал перед лицом врага не потому, что боялся умереть, а потому, что замыслил занять место Гока в тот момент, когда думал, что Гок погибнет в отчаянной атаке.

Никто из захваченных солдатами Кулати не возвращался с поля боя живым. Каждый, кто попадал в плен, становился рабом, а если его не могли увести, то казнили. Если бы атака Гока провалилась, все оставшиеся в крепости воины были бы убиты или обращены в рабство, и никто никогда бы не узнал, что Ракуну бежал перед лицом врага. Если бы никто не обвинил его в дезертирстве, ничто не помешало бы ему использовать свое влияние как могущественного дворянина, чтобы добиться для себя главенства.

Даже завещание, которое Сацуки принесла нам, могло не вернуться с поля боя.

Но атака Гока оказалась успешной. Должно быть, для Ракуну это была неожиданная ужасная

новость. Он мог справиться с горсткой выживших в крепости, но почти все солдаты вернулись. Это не позволяло ему отрицать обстоятельства своего дезертирства. Бегство перед лицом врага было серьезным преступлением, за которое его казнят, если признают виновным.

Отступать было нельзя. Поэтому он удвоил свой план и попытался одолеть Сацуки. Он даже готов был угрожать лордам, чтобы получить их голоса.

Я бы, может, и не обратил внимания, если бы он сбежал из страха участвовать в самоубийственной атаке, но тот, кто явно был способен на такой подлый план, скорее всего, покушался на жизнь Рука. Я бы с радостью позволил ему победить, если бы это были обычные выборы, но я не мог допустить, чтобы такие отбросы, как он, имели свой путь.

Это была ужасная ситуация. Теперь никто не был счастлив. Мне пришлось бы учиться в Рыцарской академии, а Рук не смог бы посвятить себя ранчо. И если Рук, по крайней мере, был достаточно образован, чтобы справиться с таким исходом, то я понятия не имел, что станет с Судзуйей. Если кто и выиграл от всего этого, так это Сацуки.

Как мы справимся с этим? Голова раскалывается.

— Ну что ж! — Сацуки улыбнулась, хлопнув в ладоши, чтобы привлечь всеобщее внимание. Она была явно довольна тем, что все идет по плану.

— Похоже, тебе больше нечего сказать, Ракуну, поэтому я предлагаю начать голосование. Вы согласны?

— Я буду услышан! Это заговор против меня! — запротестовал он.

Конечно, он так и сказал.

<http://tl.rulate.ru/book/36321/3501734>